

— Брат! — отчаянно закричал Сяобай.

Су Цзюгуя резко дернуло назад, словно кто-то потянул за невидимую нить, привязанную к затылку, вынуждая его обнажить незащищенную шею.

Следом, точно у тряпичной марионетки, безвольно взмыла левая рука — тело безропотно подчинялось воле кукловода.

Ничего не изменилось. Даже теперь, когда в этой плоти затеплилась иная душа, брэнная оболочка по-прежнему оставалась послушной игрушкой в чужих руках.

Бесконечная, изнуряющая мука. Три долгих года он был обречен лежать здесь неподвижно, невидящим взором уставившись на единственный тусклый светильник под потолком.

Простым смертным дозволено любить, заводить детей, добиваться почестей и славы. От рождения и до самой тризны их жизнь полна стремлений; они вольны созерцать величие гор, безбрежность морей и ленивый бег облаков.

Его же существование было лишено всякого смысла. Он словно родился лишь для того, чтобы терпеть нескончаемую пытку.

Но в чем же была его вина?

— Спаси меня... Пожалуйста, спаси... спаси меня... — молил чей-то призрачный голос над самым ухом.

Су Цзюгуй не открывал глаз, все еще блуждая в лабиринтах навязанного ему сопереживания.

Разорванная на части плоть в воздухе судорожно скрючивала пальцы. За дверью раздался тягучий, надрывный скрип деревянных половиц — Ло Цяоцяо неторопливо поднимался по ступеням.

— Су Цзюгуй! — встревоженно позвал Сяобай, мертвой хваткой вцепившись в его запястье.

Ло Цяоцяо был великим демоном девятого ранга. Его власти над собственными марионетками не мог противостоять ни один смертный, и все же Сяобай сумел удержать руку Су Цзюгуя. Невидимые нити натянулись, и занесенная рука замерла на полпути.

От былой незащищенности юноши не осталось и следа. Голос Сяобая прозвучал пугающе властно, леденящим душу эхом:

— Су! Цзю! Гуй!

В этом ледяном призыве сквозила сила, не терпящая возражений — так зовут того, чье имя помнят тысячи лет.

Су Цзюгуй наконец распахнул глаза. Их ясный, глубокий взор дышал первозданным холодом.

Сяобай нахмурился, тщетно пытаясь понять, пришел ли тот в себя.

— Су... — не успел Сяобай договорить, как в полумраке свистнула сталь.

Су Цзюгуй стремительно выхватил нож, который так и остался в ножнах у погибшего охотника, и с ледяным бесстрашием полоснул себя по собственному запястью.

Брызнула багровая кровь.

Ло Цяоцяо толкнул дверь.

Он ожидал застать своего ненаглядного маленького лиса послушно висящим вниз головой под самым потолком — словно изысканный подарок, упакованный в кокон и ждущий своего часа. Секунду назад Ло Цяоцяо слегка потянул за паутину, проверяя натяжение нитей.

Однако желанной добычи в комнате не оказалось. Под ногами распростерся лишь безжизненный труп Лао Сы.

Ло Цяоцяо и прежде догадывался, что охотнику не суждено дожить до утра, а потому намеренно позволил ему взойти наверх навстречу верной гибели. Стоило бедолаге приоткрыть дверь второго этажа, как его должны были разорвать на куски те самые проклятые обрубки рук.

Тонкий расчет кукловода казался безупречным, однако, разглядев изувеченное тело Лао Сы, Ло Цяоцяо невольно нахмурился.

В груди охотника зияла огромная дыра, а вырванное сердце валялось поодаль. Мужчина испустил дух уже довольно давно.

Ло Цяоцяо, съевший собаку на делах с мертвецами, с первого взгляда понял: увечья не имели ничего общего с безумством оживших конечностей.

Тут действовали с безжалостной точностью, без тени сомнений. Идеально ровные края раны говорили о том, что неведомый убийца, способный голыми руками вырвать бьющееся сердце, принадлежал к числу опаснейших противников.

Ожившие руки и ноги, которых он призвал ранее, словно столкнулись с чем-то куда более ужасающим: часть из них была хладнокровно рассечена пополам, а немногие уцелевшие жалкие остатки забились по углам, содрогаясь от страха.

Подобная сноровка и жестокость явно превосходили скудные силы слабого маленького лиса.

В памяти Ло Цяоцяо всплыли давешние расспросы Лао Сы: «У тебя в лавке есть кто-то еще?»

Прежде хозяин лавки слепо уповал на защиту своих стен, но теперь осознание просочилось в разум: в его доме притаился чужак.

Но пуще всего его уязвляло иное: если здесь скрывался посторонний, то кем он приходился лису? Неужели у его ненаглядного питомца завелся защитник на стороне?!

Не успел Ло Цяоцяо закончить мысль, как по спине пробежал ледяной сквозняк. Оторвавшись от созерцания трупа, он резко обернулся — прямо в лицо ему, свистя рассекаемым воздухом, летел тяжелый охотничий нож.

Демон даже не шелохнулся. Он лишь лениво вскинул ладонь.

Оружие, не успев коснуться его кожи, с сухим треском рассыпалось в серую пыль, точно истлевший осенний лист.

— Кто здесь?! — взревел Ло Цяоцяо, запрокинув голову.

Вокруг царило безмолвие, словно нож материализовался из пустоты.

Однако бесчисленные пауки, заплонившие Мастерскую Цицяо, служили ему верными глазами и ушами. Он мгновенно определил, откуда прилетел клинок. Мелкий лисеныш вздумал играть с ним в прятки.

— Покажись, сокровище мое, — вкрадчиво прошептал Ло Цяоцяо.

Едва стихли его слова, как в дальнем конце коридора мелькнул неясный силуэт. Лицо демона исказила плотоядная усмешка. Носить маску добродушного лавочника было слишком утомительно; куда приятнее выпустить на волю истинное нутро.

Восемь суставчатых лап прижали его тело к стенам, и он ринулся вперед со скоростью пущенной стрелы, оставив после себя лишь размытую тень.

Бросив нож, Су Цзюгуй без оглядки ринулся прочь из комнаты. Двери по обе стороны длинного перехода скалились темными проемами, словно алчущие пасти бездонных тварей, готовых сожрать его без остатка.

Вдруг нога скользнула по чему-то склизкому. Потеряв равновесие, он споткнулся и едва не рухнул, сбившись с бега на рваный, неуверенный шаг.

Шаги преследователя настигали.

Ноги наливались свинцом, словно из самого пола тянулись невидимые длани, мертвой хваткой цепляясь за лодыжки. Обернувшись, Су Цзюгуй, к своему удивлению, не обнаружил позади Ло Цяоцяо.

Коридор тонул в зловещей тишине, и он был в нем совершенно один.

— Если не прекратишь эти глупые шалости, я не на шутку рассержусь.

Голос раздался прямо над головой.

Су Цзюгуй вскинул взор, и даже в густом полумраке его глазам открылось жуткое зрелище.

Ло Цяоцяо полз вниз головой по потолку, цепко удерживаясь суставчатыми лапами за деревянные балки. Его прежде приземистое тельце раздулось, брюхо неестественно округлилось, превращая его в исполинского паука, затаившегося под сводом.

Двенадцать пар фасеточных глаз горели голодным блеском, неотрывно следя за беглецом и многократно отражая его хрупкий силуэт.

Он стремительно терял человеческий облик, уступая место демоническому естеству: изо рта выдвинулись жуткие жвалы, с которых обильно сочилась мутная зеленая слизь.

Тяжелая, едкая капля упала на плечо Су Цзюгуя, со шкворчанием мгновенно проев ярко-красную ткань свадебного одеяния.

Ло Цяоцяо испытывал дикий, первобытный голод.

Су Цзюгуй понимал: пробудившаяся сущность зверя лишила демона остатков рассудка, делая его вождение непреодолимым.

— Заблудился, глупыш? — прошептал Ло Цяоцяо, и сверху дождем хлынули прочные шелковые нити, бережно, но крепко свивая Су Цзюгуя в кокон.

Он оберегал свою драгоценность. Понадобилось три долгих года кропотливого труда, чтобы вылепить этот безупречный сосуд, и любая царапина на нем нанесла бы непоправимый урон его гордости.

— Не смей больше убегать от меня, — ласково ворковал Ло Цяоцяо, волоча свою жертву по ступеням вниз, обратно к началу пути.

Он уложил опутанное тело возле гроба, после чего потянулся к разложенным на столе железным оковам — лиса требовалось надежно запереть.

Су Цзюгуй отрешенно созерцал багровое свечение бумажного фонаря. В груди разлилась тупая, изнуряющая боль от осознания того, что колесо сансары вновь совершило свой беспощадный оборот.

Кошмар повторялся сызнова. Все вернулось на круги своя.

— До чего же ты глуп... Зачем было бежать обратно?

У диких лисиц напрочь отсутствовал разум — иначе этот звереныш никогда бы не угодил в капкан простого охотника. Но Ло Цяоцяо искренне не понимал: отчего лис сначала бросился на верхний этаж, а покончив с Лао Сы, изо всех сил устремился назад?

Неужели гроб показался ему самым безопасным убежищем?

Лис лежал безвольный, точно новорожденный котенок. Достаточно было Ло Цяоцяо приложить чуть больше усилий, и хрупкая жизнь угасла бы в его тисках.

Это безграничное могущество пьянило демона. Обладать неопишуемой красотой, полностью подчинив ее своей воле, быть единственным средоточием всех его чувств и слез — в этом было его высшее наслаждение.

В неровных отсветах пламени Ло Цяоцяо любовался своим творением. Лицо опутанного шелком Су Цзюгуя украшали мелкие брызги чужой крови.

Иссиня-черные пряди рассыпались по плечам, несколько спутанных волосков прилипли ко лбу, выгодно подчеркивая благородную бледность и щемящую незащищенность лица.

— Где твой сообщник? — хмуро спросил Ло Цяоцяо.

Он прекрасно помнил о невидимом третьем госте. Нemoщный лис ни за что не справился бы в одиночку — ему явно кто-то пособничал.

— Мне больно... — Су Цзюгуй медленно повернул голову.

Его чистые глаза, полные бездонной тоски, уставились прямо на демона. В этом взгляде читалась безмолвная, отчаянная мольба.

— Отпусти меня... умоляю, — прошептал Су Цзюгуй.

Ло Цяоцяо опешил. Он уже забыл, когда в последний раз слышал подобные речи, но этот тихий голосок ласкал его слух, точно изысканная музыка.

— Пожалуйста, — в глазах лиса заблестела влага, придавая ему сходство с побитым, жалким зверьком. Перед чарами плачущей красоты не устояло бы даже черствое сердце кукловода.

Лисы испокон веков славились искусством обольщения.

Демон уже приоткрыл рот, собираясь ответить, как вдруг заподозрил неладное. Ло Цяоцяо отродясь не имел обоняния; когда редкие посетители жаловались на удушливую вонь в Мастерской Цицяо, он лишь недоуменно пожимал плечами.

Обладай он хоть мало-мальски чутким носом, сразу почуял бы тяжелый, металлический запах свежей крови.

Алое подвенечное платье скрадывало багровые пятна, и лишь теперь, присмотревшись, демон заметил, что руки его пленника буквально залиты кровью.

Кожа на запястьях была безжалостно вспорота, обнажая белеющие кости вперемешку с обрывками прочных паучьих нитей.

С какой дьявольской дотошностью Ло Цяоцяо когда-то вшивал свой шелк под кожу лисенка, с такой же леденящей душу решимостью Су Цзюгуй выдирал эти нити из собственной плоти.

Каким нестигаемым, поистине страшным духом нужно обладать, дабы сотворить подобное с самим собой?!

Ло Цяоцяо изменился в лице. Жалобный стон Су Цзюгуя мгновенно оборвался; в окровавленных пальцах сверкнуло лезвие кривой сабли, устремившись прямо в лицо ошеломленного палача.

Пораженный столь внезапным неповиновением, демон не успел уклониться. Изогнутое лезвие с мерзким хлопанием вонзилось глубоко в его левый глаз.

Брызнул фонтан густой изумрудной жижи.

Ввизгнув от невыносимой боли, Ло Цяоцяо дико забился, и центробежная сила его яростного рывка швырнула Су Цзюгуя на пол.

Зажимая сочащуюся рану, ослепленный демон взревел в исступлении:

— Ты вздумал убить меня?! Паршивая тварь, ты посмел поднять на меня руку?! С твоими жалкими крохами сил ты надеялся одолеть меня?!

Его плоть начала стремительно раздуваться, увеличиваясь вдвое. Натягивающаяся буграми кожа с треском разорвала шелковые одежды, превратив их в грязное тряпье.

Истинный облик чудовища рвался наружу.

Оставшиеся глаза застилала кровавая пелена, и, когда Ло Цяоцяо наконец сумел сфокусировать взор на алтаре, Су Цзюгуя там уже не было.

— Похоже, ты истосковался по хорошей трепке! — прорычал Ло Цяоцяо, собираясь броситься на поиски, но внезапно замер как вкопанный.

Перед его взором предстали четыре старинных зеркала.

Их расположение было искусно изменено: отражающие поверхности теперь смыкались в плотное кольцо, направленное прямо на оцепенелого демона.

Тело сковало могильным хладом. Позвоночник прошила ледяная игла первобытного ужаса.

«Никогда не смотришь в них слишком долго, иначе сгоришь без остатка», — всплыло в его памяти грозное предостережение.

Было поздно. Яростные языки багрового пламени взметнулись от подножия зеркал, намертво захлестнув все восемь его суставчатых конечностей.

Кожа и плоть на лапах лопались с сухим треском, лишая его малейшей возможности сдвинуться с места.

С диким ревом Ло Цяоцяо пытался сбить пламя, однако, зажатый в тиски мистического

построения, каждым движением лишь глубже погружал себя в огненный ад.

Безумец! Активировать запретный строй Горы Великой Чистоты... Неужели он решил сгореть вместе с ним?!

— Строй четырех зеркал для подавления душ... — раздался ровный, размеренный голос Су Цзюгуя. — Твоя переделка никуда не годилась.

Кукловод вскинул уцелевшие глаза. Су Цзюгуй спокойно стоял у края алтарного стола, слегка опираясь на него окровавленными ладонями. С изувеченных запястий на деревянные доски мерно капала кровь.

Потоки яростного огня бушевали вокруг его фигуры, однако багровые языки пламени лишь услужливо пережигали остатки опутывавших его шелковых нитей, бережно обходя саму плоть и не причиняя лису ни малейшего вреда.

Казалось, бушующая стихия беспрекословно подчинялась его воле.

Су Цзюгуй был всего лишь жалким лисьим отродьем низшего ранга, так почему же огонь, пожирающий Ло Цяоцяо, ластился к нему, точно ручной пес?

Ответ мог быть лишь один: этот юноша и был истинным создателем великого строя.

Забыв о терзающей его боли, кукловод содрогнулся от ледящего страха:

— Кто... Кто ты такой?!

Никто во всем мире не знал маленького огненного лиса лучше него — Ло Цяоцяо помнил каждый изгиб его тела, каждую шерстинку, но существо, стоявшее пред ним ныне, не имело с прежним питомцем ничего общего.

Тот же лик, но взгляд... В этих бездонных глазах читалось величие истинного владыки, взирающего на ползающую в пыли букашку.

— Ты... Неужели ты... Юнь... — страшная догадка обожгла его разум, но он тут же безумно затряс головой.

Невозможно! Великий Бессмертный почтенный Юньцзи давно мертв! Ни один заклинатель, даже самый одаренный гений Горы Великой Чистоты, не способен пережить карающий удар Небесного Грома.

— Бред! Этого не может быть! Как ты мог уцелеть?! Кто ты на самом деле?! — истошно вопил демон.

Су Цзюгуй слегка склонил голову набок, и на губах его заиграла едва заметная, леденящая душу улыбка:

— Ну как же... Я ведь твой послушный маленький лис.

«Я ведь твой послушный маленький лис»... Ло Цяоцяо горел в очищающем пламени, но от этих тихих, бесстрастных слов его сердце сковал могильный холод.

Смертный приговор был вынесен, и палач явился за его душой.

<http://bllate.org/book/18298/1755118>